

169298

A 243

ВСЕМІРНАЯ БИБЛІОТЕКА

въ память Л. Н. ТОЛСТОГО.

Зр

Отдѣлъ

„Изъ жизни Л. Н. Толстого“.

83.3(2Рос-Рус)1

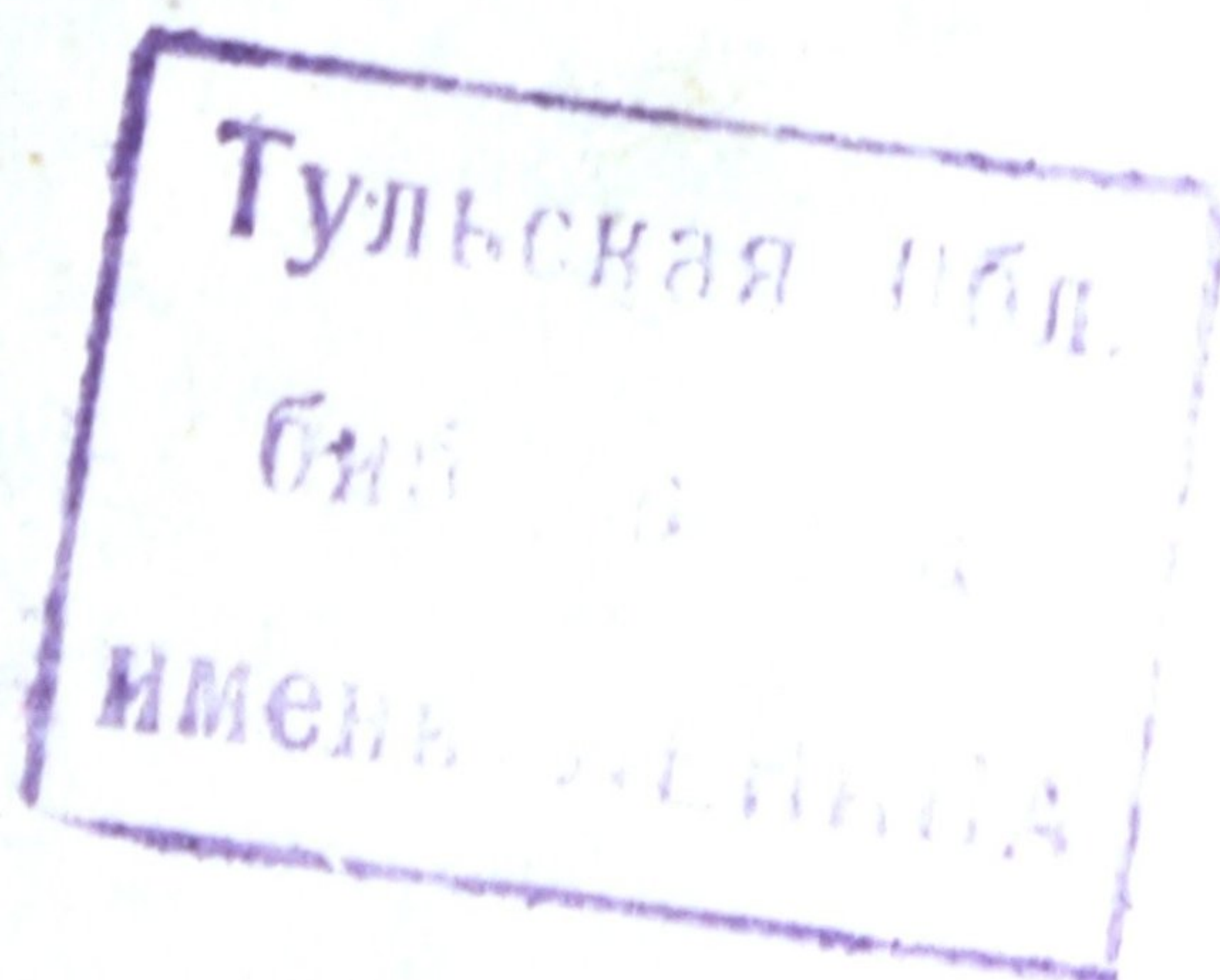
- ЦГБ

ЛЗЗ

В. Лебренъ.

ТОЛСТОЙ.

(ВОСПОМИНАНІЯ и ДУМЫ.)

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Первое знакомство	3
Секретарство	8
День Толстого	14
Причина ухода	19
Особенность міросозерцанія Толстого	26
О „Богѣ“ Толстого	33
Объ отношеніи Толстого къ наукѣ	41
Вліяніе Толстого	52
О „почтеніи памяти“ Толстого	70
Заключеніе	81

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА—1914.

Первое знакомство.

То, о чемъ я собираюсь рассказать, составляетъ святая святыхъ моей жизни. Я никогда не сталъ бы говорить объ этомъ публично, если бы не моя глубокая увѣренность въ томъ, что всякій, знавшій Льва Толстого, обязанъ сказать о немъ міру всю правду.

Знакомство мое со Львомъ Николаевичемъ началось не совсѣмъ обыкновенно. Весной 1899 года, на далекой окраинѣ Сибири, на берегу Японскаго моря, я потерялъ отца. Мнѣ было тогда 17 лѣтъ. Я уже года три читалъ Толстого, начавъ съ перваго тома; и за „Дѣтство и Отрочество“, „Войну и Миръ“, „Анну Каренину“ всей душой любилъ и уважалъ мірового писателя. Педагогическія его статьи окончательно покорили мое сердце, и я съ захватывающимъ интересомъ взялся за слѣдующій 13 томъ. На третій день послѣ похоронъ отца я почувствовалъ, что нервы мои успокоились, и сталъ перелистывать эту книгу. Заглавіе „Послѣднія главы изъ книги о жизни“ поразило меня. Гдѣ же были первыя главы?! Перелистывая дальше, я наткнулся на главу „Страхъ смерти“ и сталъ читать. Я былъ такъ глубоко потрясенъ, что вскорѣ долженъ былъ оставить чтеніе. Этотъ чуткій, искренній и исключительнаго ума человекъ, общеніе съ которымъ составляло для меня такое счастье, затрагивалъ самые глубокіе вопросы, упорно замалчивающіеся окружающимъ меня обществомъ, и смотрѣлъ на жизнь и смерть совсѣмъ

иначе, чѣмъ я, выросшій въ естественно-научныхъ матеріалистическихъ воззрѣніяхъ.

На другой день я побѣжалъ къ близкому другу подѣлиться смутными и странными впечатлѣніями, отъ которыхъ захватывало духъ.—Что значитъ это странное заглавіе: „Послѣднія главы“?..—сказалъ я ему: —Куда же дѣвались первыя? Вотъ если бы достать *всю* книгу „О жизни“...

Мой другъ сосредоточенно посмотрѣлъ на меня, взялъ меня за рукавъ и подвелъ къ конторкѣ. Онъ досталъ изъ нея небольшую сѣрую брошюру.

Это было... „О жизни“ въ женевскомъ изданіи Элпидина. Кромѣ того, въ конторкѣ оказался цѣлый кладъ: „Исповѣдь“, „Въ чемъ моя вѣра“, „Царство Божіе внутри васъ“, „Критика догматическаго богословія“, „Соединеніе, изслѣдованіе и переводъ 4-хъ евангелій“, „Такъ что же намъ дѣлать?“ и много мелкихъ брошюръ. Это принесъ наканунѣ моему другу знакомый морякъ, пріобрѣвшій эти книги въ заграничномъ плаваніи.

Морякъ этотъ и не подозрѣвалъ, что несетъ подъ мышкой судьбу всей моей жизни!..

Съ дѣтства я любилъ и искалъ истину, и мнѣ не нужно было повторять ее дважды. Черезъ мѣсяцъ я навсегда оставилъ гимназію, а еще черезъ три послалъ Льву Николаевичу пространное письмо, въ которомъ выразилъ свое полное согласіе съ нимъ, великую благодарность и уваженіе, и спрашивалъ совѣта о томъ, какъ устроить свою жизнь. Спустя два мѣсяца я получилъ слѣдующій отвѣтъ:

28 ноября 1899 г.

„Неизвѣстный молодой и любезный другъ, получилъ ваше письмо въ то время, какъ лежу больной въ постели, но все-таки хочу хоть нѣсколькими словами отвѣтить вамъ, такъ оно, ваше письмо, искренне, душевно и мнѣ радостно. Одно только пугаетъ меня—это ваша большая молодость; не то, чтобы я думалъ,

что молодость мѣшаетъ вамъ вполнѣ и правильно понять самыя нужныя для жизни истины; напротивъ, по вашему письму я вижу, что вы вполнѣ усвоили себѣ и совпадаете центромъ, и вслѣдствіе этого и всѣми радіусами, съ истиннымъ христіанскимъ міровоззрѣніемъ. Но меня пугаетъ ваша молодость потому, что еще много изъ соблазновъ мірской жизни вами не извѣдано, вы не успѣли увидать тщету ихъ, и они могутъ увлечь васъ и заставить отказаться отъ истины; и еще потому, что подъ вліяніемъ горячности молодости, вы можете сдѣлать ложные шаги по истинному направленію и вслѣдствіе этого разочароваться въ самомъ направленіи. Подобные случаи, къ несчастью, часто бывали. Такъ вы задаете, на примѣръ, мнѣ вопросъ, что вамъ дѣлать, какъ практически устроить свою жизнь?

Вамъ кажется, что до тѣхъ поръ, пока ваши новые взгляды не осуществились въ видимыхъ проявленіяхъ, вы не исполнили своего дѣла, какъ бы отступили отъ своей обязанности. Не торопитесь накладывать новыя формы на свою жизнь, употребляйте только всѣ силы души на то, чтобы новые взгляды проникли все ваше существо и руководили всѣми малѣйшими поступками вашими; а если это будетъ, то старыя формы жизни неизбежно измѣнятся,—хотя мы никакъ не можемъ предвидѣть во что,—и установятся новыя.

Это подобно тому, какъ часто, растапливая костеръ или печь, слишкомъ рано и много накладывая дровъ на плохо разгорѣвшіяся подтопки, тушишь послѣдній огонь, вмѣсто того, чтобы разжечь его.

Въ вашемъ частномъ случаѣ я, разумѣется, ничего практическаго не могу посовѣтовать вамъ; практическая форма вашей жизни пойдетъ по равнодѣйствующей

щей между вашими привычками и требованіями окружающей среды и вашими убѣжденіями. Одно очень совѣтую вамъ: это помнить, что болѣе и что менѣе главно; самое же главное при вашихъ теперешнихъ взглядахъ это то, чтобы увеличивать любовь вокругъ себя, тѣмъ болѣе не нарушать ту, которая существуетъ. И потому, если, при осуществленіи вашихъ плановъ, представится вопросъ: оставаться ли противъ своей воли въ условіяхъ, противныхъ вашимъ убѣжденіямъ или, выйдя изъ нихъ, нарушить любовь, то всегда лучше избирать первое.

Въ числѣ книгъ моихъ, которыя вы читали, вы не упоминаете о „Христіанскомъ ученіи“. Я бы вамъ прислалъ его, но не имѣю въ настоящую минуту, а думаю, что оно можетъ вамъ быть полезно. Я думаю, что вы можете приобрѣсти его, равно и другія запрещенныя мои писанія, изъ Англіи отъ Черткова по слѣдующему адресу: *Англія, England, Essex, Maldon, Purleigh. W. Tchertkof*¹⁾.

Вы угадали, что мнѣ радостно узнать о томъ, что у меня есть друзья на Дальнемъ Востокѣ. Главное же то, что писанія мои, доставившія мнѣ такъ много счастья, доставляютъ такое же и другимъ, хотя и рѣдкимъ людямъ.

Любящій васъ Левъ Толстой.

Я не разъясняю вамъ тѣ, вѣрно указанныя вами противорѣчія въ моихъ сочиненіяхъ: нѣкоторыя я бы и могъ разъяснить, другія же такъ и остаются противорѣчіями, объясняемыя тѣмъ, что разныя вещи писаны въ разное время и соотвѣтствуютъ разнымъ міровоззрѣніямъ. Главное же надо помнить, что буква мертвитъ, а духъ живить“.

¹⁾ Теперь В. Г. Чертковъ живетъ въ Россіи.

Письмо было написано, какъ я узналъ послѣ, Софьей Андреевной и только поправки и подпись были сдѣланы рукой Льва Николаевича.

Потерявъ плотскаго отца, я обрѣлъ духовнаго. На слѣдующую весну мнѣ пришлось побывать въ Москвѣ. Не найдя тамъ Льва Николаевича, я поѣхалъ въ Ясную Поляну.

Утромъ, послѣ грозы, когда первые лучи весенняго солнца заблестѣли въ капляхъ росы, сплошь покрывавшихъ траву и деревья, я сталъ передъ верандой у „дерева бѣдныхъ“. Вдругъ высокая фигура Льва Николаевича въ парусиновомъ халатѣ выросла у перилъ, и сѣрые пытливые глаза уставились на меня. „Я не знаю, кто вы“... — проговорилъ Левъ Николаевичъ въ отвѣтъ на мое бодрое, радостное привѣтствіе, и тучка страданія пробѣжала по его лицу. Я обрѣлъ счастье, о которомъ не смѣлъ и мечтать, а для него это былъ тысячный посѣтитель, который, быть-можетъ, сейчасъ начнетъ просить о чемъ-нибудь тяжеломъ, неосуществимомъ. Только въ послѣдствіи я понялъ это,—тогда же я слегка удивился.

Левъ Николаевичъ по моимъ письмамъ хорошо помнилъ меня. Онъ повелъ меня въ домъ и далъ свои новыя произведенія. Вечеромъ водилъ меня къ живущей въ 6-ти верстахъ М. А. Шмидтъ, близкому своему другу. Съ той поры близкія сношенія мои съ Ясной Поляной не прерывались. Я нѣсколько разъ пріѣзжалъ и жилъ въ ней и близъ нея, изрѣдка писалъ Льву Николаевичу, а еще рѣже, въ особенно трудныхъ случаяхъ моей жизни или просто въ отвѣтъ на письмо, получалъ разнообразной величины кусочки бумаги, сплошь покрытыя дорогимъ веревочнымъ почеркомъ и пропитанныя такой любовью и вниманіемъ, которыя я получалъ только отъ своихъ родныхъ.

Секретарство.

Лѣтомъ 1906 года, живя подлѣ Ясной Поляны и часто бывая у Льва Николаевича, я получилъ отъ Софьи Андреевны приглашеніе пожить у нихъ нѣсколько мѣсяцевъ и помогать Льву Николаевичу въ его обширной перепискѣ. Тутъ мнѣ пришлось увидѣть всю интимную жизнь Льва Николаевича.

Меня съ первыхъ же шаговъ не мало удивило то обстоятельство, что настоящаго, платнаго, секретаря у Льва Николаевича не было. Онъ считалъ свою дѣятельность настолько незначительной, что, охотно принимая случайную помощь друзей, онъ никогда не соглашался нанять себѣ помощника.

Работы было по горло. Писемъ приходило иногда до 15-ти въ день; въ среднемъ, я думаю, 4—5. Всѣ эти письма надо было занести въ книгу „входящихъ“ и пронумеровать. Левъ Николаевичъ отвѣчалъ самъ только на очень рѣдкія письма; на нѣкоторыя онъ просилъ близкихъ отвѣтить, огромное же большинство просто складывалось въ шкафъ.

Помню, въ первый же день, отвѣтивъ, по порученію Льва Николаевича, на два-три письма, я отобралъ еще пять, которыя вполнѣ заслуживали отвѣта, и, улучивъ минуту, спросилъ объ этомъ Льва Николаевича. „Ну что же, — сказалъ онъ, — если милость ваша будетъ, отвѣтимте“, и тутъ же далъ мнѣ указанія, выражая опасенія, что у меня и такъ много дѣла. Дѣла дѣйствительно было столько, что вполнѣ хватило бы на троихъ. Въ то время поступало множество просьбъ о высылкѣ книгъ Льва Николаевича, и каждый

день приходилось, по указанію Льва Николаевича, набирать нѣсколько посылокъ, зашивать ихъ и записывать содержимое. Адресной книги не было и пришлось начать ея составленіе. Кромѣ того, постоянно приходилось дѣлать выписки изъ книгъ или участвовать въ спѣшной перепискѣ большихъ рукописей Льва Николаевича.

Изъ семейныхъ только Александра Львовна ежедневно переписывала на ремингтонѣ писанія Льва Николаевича; Марія Львовна, пріѣзжавшая иногда погостить, отвѣчала на письма, считывала съ кѣмъ-нибудь изъ друзей копіи рукописей съ оригиналами, да Софья Андреевна записывала во множествѣ присылаемыя книги въ каталогъ и иногда переводила что-нибудь съ англійскаго для Льва Николаевича. Остальные, когда пріѣзжали, жили совершенно въ сторонѣ. Въ библіотекѣ также царилъ беспорядокъ, и хотя существовалъ прекрасный каталогъ, но помню, какъ Левъ Николаевичъ разъ пять просилъ меня найти ему то ту, то другую книгу, но ея въ шкафу не оказывалось. Полный порядокъ былъ только въ кабинетѣ Льва Николаевича.

Я прожилъ тогда въ Ясной три мѣсяца. Что больше всего поразило меня изъ всего видѣннаго тутъ, была, во-первыхъ, необычайная скромность Льва Николаевича и его чуткая деликатность и мягкость въ обращеніи; во-вторыхъ, истинно-подвижническое усердіе, съ какимъ онъ обрабатывалъ свои произведенія и, въ-третьихъ, его необычайная работоспособность.

Мнѣ приходилось жить со многими людьми, но только въ отношеніяхъ со Львомъ Николаевичемъ я не замѣтилъ и тѣни тренія. На третьемъ мѣсяцѣ такъ же, какъ и на первомъ, Левъ Николаевичъ, несмотря на мою молодость, постоянно извинялся, когда звалъ меня, и, если поручалъ что-нибудь, всегда приговаривалъ: „если милость ваша будетъ“, а иногда, когда просилъ принести книгу, говорилъ: „пожалуйте мою старость“.

Левъ Николаевичъ во всякихъ мелочахъ чувствовалъ душу человека, съ которымъ имѣлъ дѣло. Въ его кабинетѣ спе-

ціальний столъ и висящая надъ нимъ этажерка были сплошь заняты стопочками его брошюръ и листовъ. Однажды, набирая по указанію стоявшаго за мною Льва Николаевича книжечки для просителей, которые ожидали внизу, я неловко задѣлъ на полкѣ стопу листовъ; эта стопа упала и толкнула другія, и одна за одной стали падать и смѣшиваться всѣ остальные. Я хотѣлъ поддержать это разрушеніе другой рукой, но тогда нѣсколько брошюръ упали внизъ, движеніе передалось на слѣдующую полку, листки посыпались на столъ, и образцовый порядокъ, который мы такъ старательно поддерживали, въ одинъ мигъ обратился въ хаосъ.

— „Ну, такъ дѣлу не поможешь!“—замѣтилъ Левъ Николаевичъ и засмѣялся своимъ неудержимо-заразительнымъ смѣхомъ. Руки мои были полны пачекъ уже подобранныхъ брошюръ, и я совершенно растерялся и, разъ начавъ хохотать, не могъ удержаться больше. Посѣтители ожидали, Льву Николаевичу надо было уходить, а между тѣмъ всякій разъ, какъ онъ начиналъ давать мнѣ указанія, на меня находилъ новый приступъ смѣха. Это было глупо и стыдно, но я не могъ удержаться.—„Что, хохотунъ напалъ?“—участливо спросилъ Левъ Николаевичъ и долго спокойно ожидалъ, пока я приду въ нормальное состояніе.

Когда заболѣла Софья Андреевна и отъ съѣхавшихся семейныхъ въ домѣ стало тѣсно, меня переселили въ такъ называемую маленькую гостиную. Тутъ въ моемъ распоряженіи оказался только одинъ круглый столъ. Пишущая машина, съ десятокъ незашитыхъ посылокъ, рукописи, письма, куски коленкора, суровыя нитки, бумага, книги, клейстеръ—все это образовало печальную картину на кругломъ столѣ. Я напрягалъ всѣ силы, чтобы не запутаться въ этой тѣснотѣ.

— „А вы немного разбросались, сударь мой“,—замѣтилъ какъ-то мнѣ Левъ Николаевичъ, проходя въ кабинетъ.

— Я еще удерживаю въ головѣ всѣ нити положенія,—сказалъ я.

— „Значить, беспорядокъ только внѣшній“,—сказалъ Левъ Николаевичъ и вспомнилъ какое-то мѣткое названіе, данное

его другомъ Орловымъ такому положенію вещей. И бодрящій звукъ его голоса и внимательный улыбающійся взглядъ его говорили, что и въ этомъ ничтожномъ житейскомъ случаѣ, какъ и въ самыхъ значительныхъ, онъ знаетъ, какъ трудно человѣку совладать съ обстоятельствами, и всегда всѣмъ сердцемъ готовъ помочь и подбодрить.

Мнѣнія о себѣ Левъ Николаевичъ былъ самаго невысокаго. „Я жалкій запутавшійся старикъ“,—сказалъ онъ прѣзжимъ англичанамъ, заявившимъ, что знакомство со Львомъ Николаевичемъ было единственной цѣлью ихъ путешествія.— „И не стоило изъ-за этого ѣхать такъ далеко“.

Удивительно было, какого невысокаго мнѣнія былъ Левъ Николаевичъ не только о своей жизни, но и о своихъ способностяхъ и писательской дѣятельности. Недавно еще, послѣ ссылки Н. Н. Гусева, Левъ Николаевичъ писалъ мнѣ: „Саша съ своей подругой прекрасно исполняютъ дѣло записыванія и приведенія въ порядокъ моего старческаго gadotage“ (пустословія).

„Le genie c'est la patience (геніальность—это терпѣніе),—повторилъ онъ какъ-то при мнѣ великія слова,—кажется, Ньютона.—Говорятъ, у меня талантъ, большія способности! Да я толкомъ письма составить не умѣю. А если и выходитъ иногда чтò путное, такъ это я трудомъ беру. Какая-нибудь пустячная статья, а я вотъ уже три мѣсяца вожусь съ ней и никакъ не могу кончить“. (Статья эта была „О значеніи русской революціи“).

Передѣлывалъ и переправлялъ Левъ Николаевичъ свои статьи безчисленное количество разъ.

— „Кажется, я уже порчу, надо оставить“...—сказалъ онъ однажды, подавая мнѣ давно уже оконченную статью о революціи, которую онъ ежедневно исправлялъ. Дня черезъ два онъ дѣйствительно сказалъ Александрѣ Львовнѣ, что статья окончена, и просилъ переписать ее окончательно на чисто; но едва мы успѣли исполнить это, какъ Левъ Николаевичъ вновь потребовалъ статью къ себѣ, и вечеромъ Александра Львовна показала мнѣ нашу рукопись всю пере-

черкнутой и изрѣзанной на куски. „Только немного почисти кое-гдѣ“,—сказалъ Левъ Николаевичъ Александръ Львовнѣ, и работа началась снова.

Черезъ нѣкоторое время онъ опять заявилъ, что кончилъ.

Но вновь переписанную въ 3-хъ экземплярахъ статью постигла та же участь.

Заваленный работой, я часто сомнѣвался въ необходимости подобныхъ безчисленныхъ исправленій и съ особымъ вниманіемъ, насколько позволяло время, старался вникнуть въ ихъ сущность,—однако, я не замѣтилъ ни одного случая, чтобы исправленіе явно не было сдѣлано къ лучшему. Каждая корректура подвергалась такой же участи.

Изумила меня и работоспособность Льва Николаевича. Я занимался только часа на три больше его, и къ концу 3-го мѣсяца почувствовалъ, что силы мои быстро падаютъ, такъ что едва ли я былъ бы въ состояніи выдержать еще столько же. А между тѣмъ Льву Николаевичу въ то время было 78 лѣтъ.

Особенно поразилъ меня случай съ корректурой предпоследняго полутома „Круга Чтенія“. Это было 393 страницы въ восьмую долю листа. Левъ Николаевичъ покончилъ съ нею въ одинъ присѣстъ, и многочисленныя поправки и вставки, изъ которыхъ нѣкоторыя достигали $\frac{1}{4}$ страницы, показывали, что онъ безъ пропуска прочелъ всю книгу. Правда, онъ вышелъ изъ своей комнаты въ четвертомъ часу и видъ у него былъ сильно утомленный. Переписывая нечеткія мѣста и исправляя опечатки, я просидѣлъ за той же работой два дня.

Масса писемъ со всѣхъ концовъ міра, которыя стекались въ Ясную и которыя въ эти три мѣсяца мнѣ пришлось прочесть, оставили на мнѣ глубокій слѣдъ. Тутъ были и страшные, полные трагизма случаи жизни, безысходныя противорѣчія, изъ которыхъ только несокрушимый разумъ Льва Николаевича могъ указать выходъ; и хватающія за сердце сомнѣнія юноши или дѣвушки о томъ, какъ имъ относиться

къ той лжи, которою въ учебныхъ „заведеніяхъ“ подъ видомъ науки опутываетъ ихъ общество; то вынесенныя изъ тюремъ и дисциплинарныхъ баталіоновъ письма юношей

. (изъ 18 человѣкъ, по тогдашнему моему подсчету, умерло больше половины). Когда-нибудь будетъ сдѣлано подробное изслѣдованіе всѣхъ безчисленныхъ писемъ Толстого и все наиболѣе интересное будетъ напечатано.

За эти три мѣсяца моего секретарства Льва Николаевича особенно тронуло одно письмо. Пришло оно изъ Англіи и написано было по-французски. Незнакомый инженеръ на полстраничкѣ почтовой бумаги въ очень сдержанныхъ, серьезныхъ выраженіяхъ глубоко благодарилъ Льва Николаевича за книгу „Царство Божіе внутри васъ“, открывшую ему глаза, и заявлялъ, что употребить всѣ свои силы на то, чтобы распространять ее.

— „Напишите ему, — сказалъ мнѣ Левъ Николаевичъ, — что я очень, очень благодарю его за его письмо и, что подобныя письма, которыя я все-таки иногда получаю, составляютъ самую большую радость моей жизни“. И по напряженному выраженію его лица видно было, что онъ глубоко взволнованъ.
